

Г. Ибсен

Доктор Штокман враг народа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Ибсен**
Доктор Штокман враг народа / Г. Ибсен – М.: Книга по Требованию, 2023. – 50 с.

ISBN 978-5-458-12512-3

ISBN 978-5-458-12512-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Дѣйствіе первое.

(Вечеръ. Гостиная доктора, меблированная не богато, но изящно. У боковой стѣны направо двѣ двери, изъ которыхъ болѣе отдаленная ведетъ въ переднюю, а ближайшая въ кабинетъ доктора. У противоположной стѣны, противъ двери въ переднюю, третья дверь, которая ведетъ въ остальные комнаты семьи; посрединѣ той же стѣны стоитъ печка, а ближе къ авансценѣ диванъ съ зеркаломъ надъ нимъ и съ овалъ-нымъ столикомъ передъ нимъ, покрытымъ скатертью. На столѣ зажженная лампа съ абажуромъ. Въ глубинѣ сцены открытая дверь въ столовую. Виднѣтся столъ, накрытый для ужина, съ висячею надъ нимъ лампою).

(Биллингъ сидитъ въ столовой у стола съ подвязанною подъ подбородкомъ салфеткою Г-жа Штокманъ стоитъ около стола и протягиваетъ ему блюдо съ большимъ ростбифомъ. Остальныя мѣста у стола никѣмъ не заняты; посуда на столѣ въ безпорядкѣ какъ будто послѣ оконченной ѣды).

Г-жа Штокманъ. Да, вы пришли немножко поздно, господинъ Биллингъ, такъ что вамъ приходится довольствоваться холодными кушаньями.

Биллингъ (*кушая*). Все очень вкусно, — замѣчательно вкусно!

Г-жа Штокманъ. Вы знаете, какъ Штокманъ дорожить точностью въ ѣдѣ.

Биллингъ. Но отъ этого мнѣ нисколько не хуже. Мнѣ даже кажется, что кушанье болѣе вкусно, когда я могу сидѣть и ѣсть его одинъ безъ помѣхи.

Г-жа Штокманъ. Да, да. Если оно вамъ кажется вкуснымъ, то — (*Смотритъ въ переднюю*). А вотъ идетъ, навѣрное, Гофстадъ.

Биллингъ. Кажется. (*Городской голова Штокманъ въ пальто, съ форменою фуражкой и съ палкою въ рукѣ, входитъ*).

Городской голова. Желаю вамъ почтительнѣйше добраго вечера, невѣстушка!

Г-жа Штокманъ (*идетъ въ гостиную*). Добрый вечеръ! Такъ это вы? Какъ любезно съ вашей стороны заглянуть къ намъ!..

Городской голова. Я какъ разъ проходилъ мимо. (*Заглядывая въ столовую*). Но у васъ общество, приглашенное общество.

Г-жа Штокманъ (*нѣсколько смущенная*). Не совсѣмъ такъ; это гости случайныя. (*Быстро*). Не хотите ли войти и закусить?

Городской голова. Я? Нѣтъ, спасибо, сохрани меня Боже! Горячая пища вечеромъ не для моего желудка.

Г-жа Штокманъ. Ну, ради одного раза!

Городской голова. Нѣтъ, нѣтъ, сохрани Боже, я довольствуюсь всегда чашкою чая и кускомъ хлѣба съ масломъ. Это болѣе здорово, а также нѣсколько болѣе экономно.

Г-жа Штокманъ (*улыбаясь*). Вы, надѣюсь, не думаете, что Томасъ и я очень расточительны?

Городской голова. Не вы, невѣстушка, не вы, далека отъ меня эта мысль. (*Указываетъ на рабочий кабинетъ доктора*). Онъ, можетъ быть, не дома?

Г-жа Штокманъ. Да, онъ ушелъ прогуляться послѣ ужина, — онъ и мальчики.

Городской голова. Право, это должно быть очень полезно. (*Прислушивается*). А вотъ, кажется, онъ идетъ.

Г-жа Штокманъ. Нѣтъ, это не онъ. (*Стукъ въ дверь*). Войдите, пожалуйста. (*Редакторъ Гофстадъ входитъ изъ передней*).

Г-жа Штокманъ. Ахъ, это вы, господинъ Гофстадъ! Такъ поздно...?

Гофстадъ. Да, извините, ради Бога, меня задержали въ типографіи. Добрый вечеръ, г. городской голова!

Городской голова (*кланяется несколько натянуто*). Добрый вечеръ, г. редакторъ. Пришли, вѣроятно, по дѣламъ?

Гофстадъ. Отчасти. Дѣло въ одномъ вопросѣ, о которомъ я хочу поговорить въ своей газетѣ.

Городской голова. Понятно, я такъ и думалъ. Мой братъ очень дѣятельный сотрудникъ «Народнаго Вѣстника», какъ я слышалъ.

Гофстадъ. Да, онъ настолько любезенъ, что пишетъ въ "Народномъ Вѣстникѣ" всякій разъ, когда хочетъ сказать слово правды о томъ или иномъ вопросѣ.

Г-жа Штокманъ (*обращаясь къ Гофстаду*). Но не желаете ли вы...? (*Указывая на столовую*).

Городской голова. Понятно. Я нисколько не упрекаю его за то, что онъ пишетъ для того круга читателей, въ которомъ онъ надѣется найти возможно болѣе сочувствія. Да и я, впрочемъ, не имѣю въ сущности никакого основанія относиться враждебно къ вашей газетѣ, г. Гофстадъ.

Гофстадъ. Да, я тоже это думаю.

Городской голова. Вообще можно сказать, что въ нашемъ городѣ царить духъ мира, духъ согласія, настоящій гражданскій духъ, и это потому, что у насъ есть великое дѣло, вокругъ котораго мы можемъ сплотиться, — дѣло, которое дорого въ равной степени всѣмъ благонамѣреннымъ гражданамъ.

Гофстадъ. Купальное заведеніе, да?

Городской голова. У насъ наше новое, грандіозное, великолѣпное купальное заведеніе. Помяните мое слово! Заведеніе это сдѣлается главнымъ источникомъ существованія нашего города, г. Гофстадъ. Несомнѣнно!

Г-жа Штокманъ. То же говорить и Томасъ.

Городской голова. Какое необыкновенное оживленіе замѣчается въ городѣ въ эти послѣдніе два года! Въ карманахъ увсѣхъ звенятъ деньги, повсюду жизнь, движеніе. Дома и земли возрастаютъ съ каждымъ днемъ въ цѣнѣ.

Гофстадъ. А безработица уменьшается.

Городской голова. И это также, да. Налогъ для бѣдныхъ сильно понизился, къ великому удовольствію зажиточныхъ классовъ; онъ еще больше уменьшится, если лѣто будетъ благоприятствовать намъ въ этомъ году; если много пріѣзжихъ посѣтитъ нашъ городъ, много больныхъ, которые распространяютъ славу о нашемъ заведеніи.

Гофстадъ. И надежды эти, насколько я слышалъ, оправдаются.

Городской голова. Да, много есть самыхъ благоприятныхъ указаній. Каждый день получаютъ запросы о квартирахъ и т. п.

Гофстадъ. Ну, и вотъ докторская статья будетъ какъ разъ у мѣста.

Городской голова. Развѣ онъ опять что-нибудь написалъ?

Гофстадъ. Статья написана имъ еще зимою; онъ рекомендуетъ наши купальни, изясняетъ гигиеническія условія, существующія у насъ. Но я отложилъ на нѣкоторое время печатаніе этой статьи.

Городской голова. По всей вѣроятности, оказалась какая-нибудь загвоздка?

Гофстадъ. Нѣтъ, нѣтъ, не въ этомъ дѣло, но я нашель лучше отложить печатаніе ея до весны, потому что публика только теперь начинаетъ задумываться надъ тѣмъ, гдѣ бы ей провести лѣто.

Городской голова. Совершенно вѣрно, вы замѣчательно хорошо сдѣлали, г. Гофстадъ.

Г-жа Штокманъ. Томасъ просто неутюмимъ, когда дѣло идетъ о нашихъ городскихъ купальняхъ.

Городской голова. Оно и понятно. Онъ, вѣдь, служить въ купальномъ заведеніи.

Гофстадъ. И онъ главнымъ образомъ создалъ его.

Городской голова. Онъ, въ самомъ дѣлѣ? Да, мнѣ не разъ случалось слышать, что и другіе раздѣляютъ это мнѣніе. Но мнѣ кажется, что и я также принималъ не малое участіе въ этомъ предпріятіи.

Г-жа Штокманъ. Да, это всегда говорить и Томасъ.

Гофстадъ. Да и кто станетъ отрицать это, г. городской голова? Вы дали дѣлу ходъ, вы поставили его на практическую почву; — это мы всѣ знаемъ. Я хочу только сказать, что идея пришла впервые доктору.

Городской голова. Да, идей было всегда достаточно у моего брата въ теченіе его жизни, — къ сожалѣнію. Но когда оказывается, наконецъ, необходимымъ пустить эти идеи въ ходъ, тогда требуются люди другого закала, г. Гофстадъ. И я всегда думалъ, что по крайней мѣрѣ здѣсь въ домѣ —

Г-жа Штокманъ. Но, дорогой шуринъ! Гофстадъ. Какъ можетъ г. городской голова —

Г-жа Штокманъ. Пойдемте въ столовую, г. Гофстадъ, и позвольте предложить вамъ что-нибудь закусить, а тѣмъ временемъ подойдетъ и мой мужъ.

Гофстадъ. Благодарю. Съ удовольствіемъ закушу немного. *(Входитъ въ столовую)*.

Городской голова *(говоритъ тише)*. Какъ удивительны бываютъ эти люди, вышедшіе изъ народа! Они никакъ не могутъ научиться вести себя тактично.

Г-жа Штокманъ. Стоить ли придавать этому значеніе? Развѣ вы и Томасъ не можете подѣлать между собою по-братски эту честь?

Городской голова. Да, казалось бы; но нужно сказать, что не всѣ и не всякій удовлетворится такимъ раздѣломъ.

Г-жа Штокманъ. Глупости! Вы и Томасъ находитесь въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ. *(Прислушивается)*. А вотъ, кажется, и онъ! *(Идетъ и отворяетъ дверь въ переднюю)*.

Докторъ Штокманъ. *(смѣется и кричитъ за дверью)*. Посмотри сюда, Катрина, вотъ тебѣ еще гость. Не правда ли, какъ это пріятно? Сдѣлайте одолженіе, войдите, капитанъ Горстеръ; повѣсьте пальто на вѣшалку. Ну, что вы медлите? Я надѣюсь, вы не собираетесь входить въ комнату въ пальто? Представь себѣ, Катрина, я поймалъ его на улицѣ и насильно втащилъ его сюда; онъ отказывался итти.

Капитанъ Горстеръ. *(входитъ и кланяется хозяйкѣ дома)*.

Докторъ Штокманъ. *(въ дверяхъ)*. Войдите, мальчики! Они вернулись съ волчьимъ аппетитомъ! Идите, сюда, капитанъ Горстеръ; отвѣдайте нашего ростбифа — *(Онъ вталкиваетъ Горстера въ столовую. Эйлифъ и Мортенъ также входятъ)*.

Г-жа Штокманъ. Но, Томасъ, развѣ ты не видишь?

Докторъ Штокманъ. *(оборачивается у двери)*. Ахъ, это ты, Петерь? *(Подходитъ къ нему и протягиваетъ руку)*. Какъ я радъ видѣть тебя!

Городской голова. Но, къ сожалѣнію, я долженъ сейчасъ уходить.

Докторъ Штокманъ. Пустяки! тотчасъ у насъ на столѣ появится пуншъ. Ты, надѣюсь, не забыла пуншъ, Катрина?

Г-жа Штокманъ. Конечно, нѣтъ. Вода уже налита и кипитъ. *(Она входитъ въ столовую)*.

Городской голова. И пуншъ также?

Докторъ Штокманъ. Пойдемъ сядемъ, устроимся поуютнѣе.

Городской голова. Спасибо, я никогда не принимаю участія въ попойкахъ.

Докторъ Штокманъ. Но это вовсе не попойка.

Городской голова. А мнѣ казалось, — *(заглядываетъ въ столовую)*. Просто удивительно, какъ они могутъ пожирать всю эту ѣду!

Докторъ Штокманъ. *(протирая руки)*. Развѣ не пріятно видѣть, какъ вся эта молодежь ѣсть? У нея всегда, видишь ли, хорошій аппетитъ! Такъ оно и должно быть! Ъды нужно побольше! Чтобы набраться силъ! Вотъ тотъ народъ, которому прійдется бороться въ будущемъ, пробивать себѣ дорогу, Петерь.

Городской голова. Смѣю спросить, какъ они будутъ пробивать себѣ дорогу, какъ ты выражаешься?

Докторъ Штокманъ. Объ этомъ можешь спросить молодежь — когда наступитъ время. Мы этого, конечно, не увидимъ. Само собою разумѣется. Такіе два старыхъ хрыча, какъ ты и я..

Городской голова. Ну, ну, ну! Это ужъ что-то слишкомъ странное названіе.

Докторъ Штокманъ. Ну, не сердись на меня, Петерь. Нужно сказать тебѣ, что я сегодня страшно радъ и доволенъ. Я чувствую себя просто невыразимо счастливымъ среди этой прорывающейся наружу кипучей жизни. Въ какое чудное время мы живемъ! Вокругъ насъ точно зарождается совершенно новый міръ.

Городской голова. Ты это въ самомъ дѣлѣ находишь?

Докторъ Штокманъ. Ты, понятно, не можешь этого видѣть такъ хорошо, какъ я. Ты всю свою жизнь провелъ съ ними здѣсь, такъ что впечатлѣніе невольно сглаживается. Но я, который долженъ былъ всѣ эти годы сидѣть на сѣверѣ въ глуши, не встрѣтивъ почти ни разу чужого человѣка, который сказалъ бы возбуждающее слово, — на меня это дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы я внезапно переселился въ кипящій жизнью міровой городъ.

Городской голова. Гм! Міровой городъ!

Докторъ Штокманъ. Я знаю, что здѣшнія дѣла ничтожны, мелки сравнительно съ тѣми, которыя совершаются во многихъ мѣстахъ. Но здѣсь есть жизнь, — предприимчивость, безчисленное множество дѣлъ, которыя можно двигать впередъ и за которыя можно бороться; а это главное. *(Кричитъ)*. Катрина, развѣ почтальонъ еще не приходилъ?

Г-жа Штокманъ *(изъ столовой)*. Нѣтъ еще.

Докторъ Штокманъ. Какъ жизнь хорошо складывается теперь для насъ, Петерь! Начинаешь цѣнить все это, когда проживешь столько времени, какъ мы на сухояденіи.

Городской голова. О, да, конечно!

Докторъ Штокманъ. О! да, конечно! Ты можешь себѣ представить, какъ часто мы нуждались во многомъ тамъ въ горахъ. И какъ пріятно жить теперь въ полномъ довольствѣ! Сегодня, напримѣръ, у насъ былъ за обѣдомъ ростбифъ; да, у насъ есть ростбифъ и на ужинъ. Не хочешь ли ты попробовать немного? Или пойдемъ, я тебѣ хоть покажу его. Иди же!

Городской голова. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтъ!

Докторъ Штокманъ. Ну, такъ иди сюда! Видишь, мы уже обзавелись и скатертью.

Городской голова. Да, я уже замѣтилъ это.

Докторъ Штокманъ. А вотъ и абажуръ. Видишь? Все это устроила Катрина. И это придаетъ такой уютный видъ комнатѣ. Развѣ ты этого не замѣчаешь? Стань только здѣсь; — нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ; не такъ. Вотъ такъ, да! Видишь ли, когда весь свѣтъ падаетъ въ это мѣсто, право, мнѣ кажется, будто комната наша получаетъ весьма изящный видъ. Не дравда ли?

Городской голова. Когда можно позволить себѣ такую роскошь —

Докторъ Штокманъ. Ахъ, да! Теперь я могу себѣ это позволить. Катрина говорить, что теперь я зарабатываю почти столько, сколько намъ нужно.

Городской голова. Почти, да! —

Докторъ Штокманъ. Но, вѣдь, ученый долженъ жить немного лучше, чѣмъ другіе. Я увѣренъ, что всякій судья тратитъ въ годъ гораздо больше, чѣмъ я.

Городской голова. Да, и я также думаю это. Судья — высшее начальство.

Докторъ Штокманъ. Но то же можно сказать и относительно простого торговца! Много есть простыхъ купцовъ, которые тратятъ въ десять разъ больше моего.

Городской голова. Да, все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Докторъ Штокманъ. Я, правду сказать, и не расточаю бесполезно деньги, Петеръ. Но мнѣ кажется, что я не долженъ отказывать себѣ въ удовольствіи видѣть у себя отъ времени до времени людей. Я такъ страшно нуждаюсь въ этомъ, видишь ли. Я такъ долго сидѣлъ взаперти; для меня просто жизненная потребность видѣть около себя молодыхъ, смѣлыхъ, веселыхъ людей, свободомыслящихъ людей, жаждущихъ дѣятельности, а таковы всѣ тѣ вотъ, что сидятъ тамъ въ столовой и съ такимъ аппетитомъ ужинаютъ. Я хогуль бы, чтобы ты лучше узналъ Гофстада —

Городской голова. Да, кстати, Гофстадъ говорилъ мнѣ, что хочетъ напечатать одну твою статью.

Докторъ Штокманъ. Мою статью?

Городской голова. Да, о купальняхъ, статью, которую ты сочинилъ еще зимою.

Докторъ Штокманъ. А, та! — Но я не хочу, чтобы она была напечатана именно теперь.

Городской голова. Не хочешь? Но я нахожу, что это самое подходящее время.

Докторъ Штокманъ. Ты, можетъ быть, и правъ; при обыкновенныхъ обстоятельствахъ — *(Начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ).*

Городской голова *(глядя ему вслѣдъ)*. Что же такого можетъ быть необыкновеннаго при теперешнихъ обстоятельствахъ?

Докторъ Штокманъ *(останавливается)*. Да, Петеръ, я покамѣстъ никакъ не могу сказать тебѣ этого, во всякомъ случаѣ не сегодня вечеромъ. Можетъ быть, много, очень много необыкновеннаго въ существующихъ отношеніяхъ, а можетъ и ничего не быть. Весьма возможно, что это не больше, какъ воображеніе.

Городской голова. Надо признаться, что твои слова звучатъ крайне таинственно. Развѣ что-нибудь случилось? Что-нибудь, о чемъ я не имѣю никакого понятія? Смѣю думать, что я, какъ стоящій во главѣ управленія —

Докторъ Штокманъ. И я также смѣю думать, что я — ну, не будемъ цѣпляться другъ другу въ волоса, Петеръ.

Городской голова. Боже сохрани, у меня нѣтъ привычки цѣпляться кому-нибудь въ волоса, какъ ты говоришь. Но я имѣю право самымъ настоятельнымъ образомъ требовать, чтобы всѣ распоряженія давались и приводились въ исполненіе установленнымъ путемъ, чрезъ посредство установленныхъ закономъ властей. Я не допущу, чтобы кто-либо шелъ по окольнымъ дорожкамъ, заходилъ съ задняго хода.

Докторъ Штокманъ. Развѣ я иду по окольнымъ дорожкамъ, развѣ я захожу когда-нибудь съ задняго хода?

Городской голова. У тебя во всякомъ случаѣ врожденная страсть итти своимъ собственнымъ путемъ. А поступать такимъ образомъ въ благоустроенномъ обществѣ — совершенно невозможно. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ! Отдѣльныя лица должны подчиняться цѣлому, или, вѣрнѣе сказать, властямъ, обязаннымъ наблюдать за благомъ цѣлаго.

Докторъ Штокманъ. Весьма возможно. Но какое, чортъ побери, это имѣть отношеніе ко мнѣ?

Городской голова. Повидимому, этому ты никогда не научишься, мой, добрый Томасъ. Но берегись, тебѣ придется еще когда-нибудь поплатиться за это, рано или поздно. Вотъ тебѣ и весь сказъ. Прощай!

Докторъ Штокманъ. Но ты съ ума сошелъ? Ты совсѣмъ не туда поешь —

Городской голова. Я всегда попадаю туда, куда слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ, я долженъ раскланяться — *(подходить къ столовой и кланяется)*. До свиданія, невѣстушка, до свиданія, господа! *(Уходитъ)*.

Г-жа Штокманъ *(входитъ въ гостиную)*. Онъ ушелъ?

Докторъ Штокманъ. Да, и при томъ въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ.

Г-жа Штокманъ. Но, дорогой Томасъ, что же ты опять ему сдѣлалъ?

Докторъ Штокманъ. Да рѣшительно ничего. Онъ же не можетъ требовать, чтобы я ему давалъ отчетъ раньше, чѣмъ наступило для этого время.

Г-жа Штокманъ. Въ чемъ же долженъ ты ему отдавать отчетъ?

Докторъ Штокманъ. Гмъ, прекратимъ этотъ разговоръ, Катрина. Удивительно, что почтальонъ до сихъ поръ не пришелъ. *(Гофстадъ, Биллингъ и Горстеръ встаютъ изъ-за стола и входятъ въ гостиную. Нѣсколько времени спустя входятъ Эйлифъ и Мортенъ.)*

Биллингъ *(протираетъ руки)*. Ахъ, чортъ побери, послѣ такого ужина чувствуешь себя совершенно новымъ человѣкомъ!

Гофстадъ. Г. городской голова былъ сегодня въ не совсѣмъ радужномъ настроеніи.

Докторъ Штокманъ. Это происходитъ отъ желудка; у него плохое пищевареніе.

Гофстадъ. Но онъ особенно плохо перевариваетъ всегда насъ въ «Народномъ Вѣстникѣ».

Г-жа Штокманъ. А мнѣ казалось, что вы съ нимъ въ довольно хорошихъ отношеніяхъ.

Гофстадъ. Ахъ да, но это не болѣе какъ перемирье!

Биллингъ. Именно, именно! Это слово превосходно выражаетъ данное положеніе дѣлъ.

Докторъ Штокманъ. Нужно помнить всегда, что Петеръ, бѣдняжка, одинокій человѣкъ. У него нѣтъ своего дома, гдѣ онъ могъ бы чувствовать себя хорошо; одни только дѣла, дѣла и дѣла! И затѣмъ этотъ проклятый жидкій чай, которымъ онъ вѣчно наливается. Ну, мальчики, поставьте-ка стулья около стола. Катрина, скоро ты намъ дашь пуншъ?

Г-жа Штокманъ (*идетъ въ столовую*). Сейчасъ принесу.

Докторъ Штокманъ. Садитесь здѣсь на диванъ возлѣ меня, капитанъ Горстеръ. Такой рѣдкій гость, какъ вы! — Садитесь же, пожалуйста, друзья мои!

(*Гости садятся около стола. Г-жа Штокманъ вноситъ подносъ, на которомъ стоятъ бензиновая кухня, стаканы, графинъ и т. п.*).

Г-жа Штокманъ. Вотъ аракъ, а вотъ здѣсь ромъ, а вотъ тутъ стоитъ коньякъ. Прошу каждого наливать себѣ, что угодно.

Докторъ Штокманъ (*беретъ стаканъ*). Да, мы такъ и сдѣлаемъ. (*Смѣшиваетъ пуншъ*). А теперь давайте, возьмемъ сигары. Эйлифъ, ты знаешь, гдѣ стоитъ ящикъ, а ты, Мортенъ, возьми мою трубку. (*Мальчики идутъ въ комнату направо*). У меня есть подозрѣніе, что Эйлифъ иногда возьметъ да и стащить сигару, но я дѣлаю видъ, будто ничего не замѣчаю. (*Кричитъ*). Принеси еще мою ермолку, Мортенъ! Катрина, не можешь ли ты ему сказать, гдѣ она лежитъ? Ахъ, онъ ее нашелъ! (*Мальчики приносятъ требуемыя вещи*). Сдѣлайте одолженіе, друзья мои, берите. Что касается меня, то я держусь крѣпко трубки. Вотъ эта много пережила со мною бурь, тамъ наверху въ Норландѣ. (*Чокается*). За ваше здоровье! Ахъ, нечего и говорить, что гораздо пріятнѣе сидѣть здѣсь такъ уютно и спокойно!

Г-жа Штокманъ (*сидитъ и вяжетъ*). Вы скоро уходите отъ насъ въ море, капитанъ Горстеръ?

Горстеръ. Надѣюсь на слѣдующей недѣлѣ покончить со всѣми приготовлениями.

Г-жа Штокманъ. И вы отправляетесь въ Америку?

Горстеръ. Да.

Биллингъ. Значитъ, вы не можете принять участія въ новыхъ выборахъ?

Горстеръ. Развѣ должны быть новые выборы?

Биллингъ. А вы этого не знали?

Горстеръ. Нѣтъ, я не вмѣшиваюсь въ эти дѣла.

Биллингъ. Значитъ, общественныя дѣла васъ совершенно не интересуютъ?

Горстеръ. Нѣтъ, я въ нихъ ничего не понимаю.

Биллингъ. А все же каждому слѣдуетъ подавать свой голосъ.

Горстеръ. Даже тѣмъ, которые въ этомъ ничего не понимаютъ?

Биллингъ. Не понимаютъ, — что вы хотите этимъ сказать? Общество точно корабль, всѣ находящіеся на немъ должны помогать управлять рулемъ.

Горстеръ. Можетъ быть, это хорошо на землѣ, но на кораблѣ при такомъ образѣ дѣйствія ничего хорошаго не могло бы выйти.

Гофстадъ. Странно, что большинство моряковъ совершенно не интересуются тѣмъ, что дѣлается на сушѣ.

Биллингъ. Да, просто удивительно!

Докторъ Штокманъ. Моряки, точно перелетныя птицы; они чувствуютъ себя одинаково дома и на югѣ, и на сѣверѣ. Но именно поэтому, мы, люди суши, должны быть болѣе дѣятельны, г. Гофстадъ. Появится ли завтра что-нибудь интересное въ «Народномъ Вѣстникѣ»?

Гофстадъ. Собственно о городскихъ дѣлахъ ничего интереснаго не будетъ. Но послѣзавтра я намѣреваюсь напечатать вашу статью —

Докторъ Штокманъ. Ахъ, чортъ бы побралъ эту статью!.. Нѣтъ, послушайте, вы должны повременить съ нею.

Гофстадъ. Неужели? А между тѣмъ у насъ какъ разъ есть для нея мѣсто, и мнѣ казалось, что теперь самое подходящее время —

Докторъ Штокманъ. Да, да, вы, можетъ быть, и правы, но все же слѣдуетъ повременить. Я вамъ потомъ объясню — (Петра, въ шляпѣ, и накидкѣ, съ пачкою тетрадей подъ мышкою, входитъ изъ передней).

Петра. Добрый вечеръ.

Докторъ Штокманъ. Добрый вечеръ, Петра, это ты?

(*Всѣ здороваются съ Петрою; она снимаетъ накидку и шляпу и кладетъ вмѣстѣ съ книгами на стулъ возлѣ двери*).

Петра. Вы всѣ сидите здѣсь и благоденствуете, а я должна была столько ходить и работать.

Докторъ Штокманъ. Ну, а теперь благоденствуй и ты.

Биллингъ. Вы мнѣ позволите приготовить вамъ небольшой стаканъ пунша?

Петра (*подходить къ столу*). Благодарю, я лучше сама это сдѣлаю, вы всегда готовите слишкомъ крѣпкій пуншъ. Ахъ, знаешь что, папа, у меня есть къ тебѣ письмо! (Подходить къ стулу, гдѣ находятся ея вещи).

Докторъ Штокманъ. Письмо! Отъ кого?

Петра (*ищетъ въ карманъ письмо*). Мнѣ его далъ почтальонъ какъ разъ, когда я выходила.

Докторъ Штокманъ (*встаетъ и идетъ ей навстрѣчу*). И ты только теперь приносишь его мнѣ!

Петра. У меня не было времени возвращаться назадъ. Ахъ, слава Богу, вотъ и оно!

Докторъ Штокманъ (*схватываетъ письмо*). Дай-ка взглянуть, дитя мое! (*Смотритъ на адресъ*). Да, совершенно вѣрно — !

Г-жа Штокманъ. Это то письмо, котораго ты такъ ждалъ, Томасъ?

Докторъ Штокманъ. Да, именно. Теперь мнѣ нужно сейчасъ пойти къ себѣ въ кабинетъ. Гдѣ бы я могъ найти свѣчу, Катрина? въ моемъ кабинетѣ опять нѣтъ лампы!

Г-жа Штокманъ. Нѣтъ, лампа стоитъ и горитъ у тебя на письменномъ столѣ.

Докторъ Штокманъ. Хорошо, хорошо. Извините на минуту. (*Уходитъ въ комнату направо*).

Петра. Что можегъ быть въ этомъ письмѣ, мама?

Г-жа Штокманъ. Не знаю. Въ послѣдніе дни онъ постоянно спрашивалъ о почтальонѣ.

Биллингъ. Быгъ можегъ, какой-нибудь иногородній пациентъ?

Петра. Бѣдный папа, онъ слишкомъ много работы наваливаетъ себѣ на плечи. (*Приготовляетъ пуншъ*). Ахъ, какъ вкусно!

Гофстадъ. Вы занимались сегодня и въ вечерней школѣ?

Петра (*тѣтъ изъ стакана*). Два часа.

Биллингъ. А утромъ четыре часа въ институтѣ?

Петра (*садится у стола*). Пять часовъ.

Г-жа Штокманъ. И сегодня же вечеромъ ты должна поправлять тетрадки, какъ я вижу.

Петра. Да, цѣлую кучу.

Горстеръ. Какъ много у васъ дѣла!

Петра. Да, но это очень пріятно. Послѣ всей этой работы чувствуешь такую восхитительную усталость!

Биллингъ. Неужели это вамъ нравится?

Петра. Потомъ такъ хорошо засыпаешь.

Мортенъ. Ты должно быть, очень грѣшна, Петра.

Петра. Грѣшна?

Мортенъ. Да, потому что ты работаешь слишкомъ много. Г. Роддундъ говоритъ, что работа дается намъ въ наказаніе за наши грѣхи.

Эйлифъ (*свиститъ*). Какъ ты глупъ, что вѣришь въ такую чепуху!

Г-жа Штокманъ. Ну, ну, Эйлифъ!

Биллингъ (*смѣется*). Нѣтъ, это, право, восхитительно.

Гофстадъ. Такъ ты не желаешь такъ много работать, Мортенъ?

Мортенъ. Нѣтъ, не желаю.

Гофстадъ. Но чѣмъ же ты хотѣлъ бы сдѣлаться, когда вырастешь?

Мортенъ. Мнѣ больше всего хочется быть викингомъ.

Эйлифъ. Но тогда тебѣ пришлось бы быть язычникомъ.

Мортенъ. Да, но почему же мнѣ не быть язычникомъ?

Биллингъ. Въ этомъ я совершенно согласенъ съ тобою, Мортенъ! И я говорю совершенно то же.

Г-жа Штокманъ (*дѣлаетъ ему знакъ*). Но, конечно, вы этого не думаете, г. Биллингъ?

Биллингъ. О, нѣтъ, я это думаю, чортъ меня побери! Я язычникъ и горжусь этимъ. Подождите немного, скоро мы всѣ сдѣлаемся язычниками.

Мортенъ. И тогда мы будемъ имѣть право дѣлать все, что хотимъ?

Биллингъ. Да, видишь ли, Мортенъ —

Г-жа Штокманъ. Ну теперь, мальчики, ступайте къ себѣ, у васъ, навѣрное, есть уроки на завтра.

Эйлифъ. Я охотно остался бы немного здѣсь.

Г-жа Штокманъ. Нѣтъ, и тебѣ нельзя, ступайте оба въ свою комнату. (*Мальчики желаютъ спокойной ночи и уходятъ въ комнату налево*).

Гофстадъ. Неужели вы думаете, что мальчикамъ можетъ быть вредно слушать такія вещи?

Г-жа Штокманъ. Я, право, не знаю, но мнѣ это не нравится.

Петра. Мнѣ кажется, мама, что это совершенно нелѣпо съ твоей стороны.

Г-жа Штокманъ. Очень можетъ быть, но мнѣ это не нравится, по крайней мѣрѣ здѣсь, дома.

Петра. Такъ много неправды и дома, и въ школѣ. Дома надо молчать обо всемъ, а въ школѣ, мы должны постоянно лгать дѣтямъ.

Горстеръ. Вы должны лгать? Петра. Развѣ вы не знаете, что мы должны рассказывать много такого, чему совершенно не вѣримъ?

Биллингъ. Да, совершенно вѣрно.

Петра. Если бы у меня были средства, я сама открыла бы школу, въ которой все шло бы поинному,

Биллингъ. Ахъ, конечно, если бы были средства — !

Горстеръ. Если вы серьезно рѣшитесь это сдѣлать, m-lle Штокманъ, то я охотно предоставлю вамъ помѣщеніе у себя. Большой домъ моего покойнаго отца стоитъ почти пустой, въ нижнемъ этажѣ находится большая столовая —

Петра (*смѣется*). Очень вамъ благодарна, но изъ этого ничего не выйдетъ.

Гофстадъ. Ахъ, нѣтъ, m-lle Петра гораздо скорѣе сдѣлается журналистомъ, какъ мнѣ кажется. Кстати, было ли у васъ время посмотреть англійскій рассказъ, который вы обѣщали перевести намъ?

Петра. Нѣтъ, пока нѣтъ. Но вы получите его въ срокъ.

(*Докторъ Штокманъ выходитъ изъ своего кабинета съ открытымъ письмомъ въ рукахъ*).

Докторъ Штокманъ (*потрясаетъ письмомъ*). Да, смѣю сказать, вотъ такъ новость для города!

Биллингъ. Новость?

Г-жа Штокманъ. Что за новость?

Докторъ Штокманъ. Большое открытіе, Катрина.

Гофстадъ. Неужели?

Г-жа Штокманъ. Которое ты сдѣлалъ?

Докторъ Штокманъ. Да, именно я (*Ходить взадъ и впередъ*). Пусть они по себѣ по обыкновенію говорятъ, что все это ерунда, бредъ сумасшедшаго! Но пусть только посмѣютъ подойти ко мнѣ! Ха, ха, ха, пусть только посмѣютъ, задамъ я имъ!

Петра. Но скажи же, наконецъ, папа, въ чемъ дѣло?

Докторъ Штокманъ. Да, да, дайте мнѣ только время и вы узнаете все. Какъ хорошо было бы, если бы Петеръ былъ здѣсь. Да, вотъ видите ли, какъ мы можемъ бродить вокругъ и около и судить объ окружающемъ, точно слѣпые кроты —

Гофстадъ. Что вы хотите этимъ сказать, г. докторъ?

Докторъ Штокманъ (*останавливается у стола*). Развѣ не существуетъ обще-распространенное мнѣніе, что нашъ городъ очень здоровое мѣсто?

Гофстадъ. Само собою разумѣется.

Докторъ Штокманъ. Необыкновенно здоровое мѣсто? Мѣсто, которое заслуживаетъ быть самымъ горячимъ образомъ рекомендованнымъ какъ больнымъ, такъ и здоровымъ?

Г-жа Штокманъ. Но, дорогой Томасъ —

Докторъ Штокманъ. И вотъ мы его всячески рекомендовали, расхваливали. Я написалъ о немъ цѣлый рядъ статей, цѣлый рядъ брошюръ —

Гофстадъ. Ну да, и что жъ?

Докторъ Штокманъ. Это купальное учрежденіе, которое называется пульсомъ города, жизнью и энергіею города и — чортъ его знаетъ, какъ оно тамъ еще называлось —

Биллингъ. Однажды на одномъ празднествѣ я его назвалъ бьющимся сердцемъ города.

Докторъ Штокманъ. Ахъ да, и это было. Знаете ли, что представляетъ изъ себя въ дѣйствительности это грандіозное, великолѣпное, расхваленное купальное учрежденіе, стоящее столько денегъ, — знаете ли, что оно такое?

Гофстадъ. Ну, чѣмъ же оно можетъ быть?

Г-жа Штокманъ. Да, въ чемъ же дѣло?

Докторъ Штокманъ. Все купальное заведеніе — очагъ заразы.

Петра. Купальни, папа!

Г-жа Штокманъ (*одновременно*). Наши купальни!

Гофстадъ (*тоже*). Но, г. докторъ —

Биллингъ. Совершенно невѣроятно!

Докторъ Штокманъ. Все купальное заведеніе отравленная могила, говорю я вамъ. Оно въ величайшей степени опасно для здоровья. Вся эта грязь наверху въ Мольденской долинкѣ, — вся эта грязь, распространяющая такое зловоніе, — она заражаетъ воду, которая помощью трубъ доставляется въ купальное заведеніе, и та же самая проклятая ядовитая грязь выступаетъ и на поверхности морского берега —

Горстеръ. Тамъ, гдѣ расположены купальни?

Докторъ Штокманъ. Именно тамъ.

Гофстадъ. Но какъ же вы въ этомъ убѣдились, г. докторъ?

Докторъ Штокманъ. Я самымъ добросовѣстнымъ образомъ изслѣдовалъ существующее положеніе дѣлъ. Ахъ, во мнѣ уже давно зародилось подозрѣніе о чемъ-либо подобномъ! Въ прошломъ году

между прибывшими пациентами наблюдалось много странных заболѣваній, — какъ тифозныхъ, такъ и гастрическаго характера —

Г-жа Штокманъ. Да, это правда.

Докторъ Штокманъ. Тогда мы подумали, что прїѣзжіе принесли эту заразу, но затѣмъ зимою мнѣ пришли въ голову другія мысли, и я сталъ изслѣдовать воду, насколько могъ.

Г-жа Штокманъ. Такъ вотъ съ чѣмъ ты такъ долго возился!

Докторъ Штокманъ. Ты вѣрно говоришь, Катрина, что я долго возился. Но здѣсь мнѣ недоставало необходимыхъ научныхъ средствъ; поэтому я послалъ пробы какъ воды для питья, такъ и морской воды въ университетъ, чтобы получить точный анализъ изъ рукъ химиковъ.

Гофстадъ. И вы его теперь получили?

Докторъ Штокманъ (*указывая на письмо*). Вотъ онъ у меня. Онъ указываетъ на присутствіе испорченныхъ органическихъ веществъ въ водѣ, — инфузорій, — въ громадномъ количествѣ. Здѣшняя вода безспорно вредна для здоровья. Все равно, принимаешь ли ты ее внутрь или купаешься въ ней.

Г-жа Штокманъ. Хорошо, что ты вовремя замѣтилъ это.

Докторъ Штокманъ. Да, конечно.

Гофстадъ. Что вы предполагаете предпринять, г. докторъ?

Докторъ Штокманъ. Конечно, я постараюсь исправить дѣло.

Гофстадъ. Развѣ есть возможность исправить его?

Докторъ Штокманъ. Да, полная возможность. Иначе все купальное заведеніе сдѣлается никуда негоднымъ, — погибнетъ. Но этого нечего бояться. Я знаю въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, что слѣдуетъ предпринять.

Г-жа Штокманъ. Но какъ же ты такъ долго держалъ это въ тайнѣ, милый Томасъ?

Докторъ Штокманъ. А развѣ лучше было бы, если бы я выбѣжалъ на улицу и сталъ кричать на всѣхъ перекресткахъ, раньше чѣмъ увѣрился въ справедливости своего предположенія? Нѣтъ, спасибо, я еще не настолько съ ума сошелъ.

Петра. Ну, но намъ здѣсь дома —

Докторъ Штокманъ. Ни одной живой душѣ я ничего не сказалъ, но завтра ты можешь побѣжать къ барсуку —

Г-жа Штокманъ. Но, Томасъ — !

Докторъ Штокманъ. Ну, ну, къ крестному, если хочешь. Да, теперь старику будетъ чему удивляться; онъ, вѣдь, думаетъ, что я немного спятилъ съ ума; ахъ да; много тутъ есть людей, которые думаютъ то же самое, я уже это замѣтилъ! Но теперь я покажу себя этимъ добрымъ людямъ; пусть полюбуются — ! (*Расхаживаетъ по комнатѣ, потирая руки*). Какой переполохъ подымется въ городѣ, Катрина! Ты даже представить себѣ не можешь! Весь водопроводъ долженъ быть проложенъ заново.

Гофстадъ (*вставая*). Весь водопроводъ — ?

Докторъ Штокманъ. Да, понятно. Прїемныя трубы лежатъ слишкомъ низко, надо ихъ перенести на гораздо болѣе высокое мѣсто.

Петра. Значитъ, ты былъ правъ.

Докторъ Штокманъ. Да, ты помнишь, Петра, я возражалъ противъ постройки водопровода, какъ только они принялись за нее. Но тогда никто не хотѣлъ меня слушать. Ну теперь, конечно, я имъ задамъ хорошую встрепку; я, понятно, уже написалъ докладъ въ управленіе купалень; онъ лежитъ у меня готовымъ уже цѣлую недѣлю; я только поджидалъ этого письма, (*указываетъ на письмо*). Но теперь его слѣдуетъ немедленно отправить по назначенію.

(*Уходитъ въ свой кабинетъ и выходитъ изъ него съ пакетомъ бумагъ въ рукахъ*). Вотъ онъ, цѣлыхъ четыре густо исписанныхъ листа! Къ нему нужно приложить и письмо! Послушай, Катрина! Достань мнѣ, пожалуйста, конвертъ! Хорошо; вотъ такъ; — отдай это — (*останавливается*). Кой чортъ она называется? Ну, отдай это горничной, скажи, чтобы она сейчасъ же отнесла пакетъ городскому головѣ.

(*Г-жа Штокманъ уходитъ съ пакетомъ черезъ о столовую*).

Петра. А какъ ты думаешь, папа, что скажетъ на это дядя Петеръ?

Докторъ Штокманъ. Что же онъ можетъ сказать? Насколько я знаю, онъ долженъ обрадоваться, что такая важная истина обнаружилась.

Гофстадъ. Вы мнѣ позволите напечатать маленькую замѣтку о вашемъ открытіи въ "Народномъ Вѣстникѣ"?

Докторъ Штокманъ. Да, я буду вамъ за это очень благодаренъ.

Гофстадъ. Интересно, чтобы общество узнало объ этомъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Докторъ Штокманъ. Да, конечно.

Г-жа Штокманъ (*возвращается*). Она пошла съ письмомъ.

Биллингъ. Вы сдѣлаетесь, чортъ побери, первымъ человѣкомъ въ городѣ, г. докторъ!

Докторъ Штокманъ (*съ довольнымъ видомъ рассказываетъ по комнатѣ*). Пустяки, въ сущности я исполнилъ только свою обязанность. Я былъ просто счастливымъ кладокопателемъ; вотъ и все, но тѣмъ не менѣе —

Биллингъ. Гофстадъ, какъ вы думаете, не слѣдуетъ ли городу устроить въ честь доктора факельную процессію?

Гофстадъ. Я объ этомъ замолвлю словечко.

Биллингъ. А я переговорю объ этомъ съ Аслаксеномъ.

Докторъ Штокманъ. Нѣтъ, дорогіе друзья, оставьте это въ покоѣ, я не хочу, чтобы мнѣ оказывали какіе-либо знаки вниманія. Если управленіе купальнаго заведенія пожелаетъ увеличить мое жалованье, я рѣшительно возстану противъ этого. Катрина, я тебѣ это говорю заранѣе, — я не соглашусь на увеличеніе жалованья.

Г-жа Штокманъ. И ты будешь совершенно правъ, Томась.

Петра (*подымая стаканъ*). За твое здоровье, папа!

Гофстадъ и Биллингъ. За ваше здоровье, г. докторъ!

Горстеръ (*чокается съ докторомъ*). Да послужить ваше открытіе вамъ на радость!

Докторъ Штокманъ. Благодарю, благодарю, друзья мои! Я такъ сердечно радъ! Ахъ, какъ пріятно чувствовать, что ты оказалъ пользу своему родному городу и своимъ согражданамъ. Ура, Катрина!

(*Онъ обнимаетъ ее объими руками и начинаетъ кружиться съ ней по комнатѣ. Г-жа Штокманъ кричитъ и борется съ нимъ. Смѣхъ, аплодисменты и крики «ура» въ честь доктора. Мальчики выглядываютъ изъ-за двери*).

Дѣйствіе второе.

(*Гостиная у доктора. Дверь въ столовую закрыта. Предобѣденное время*).

Г-жа Штокманъ (*съ запечатаннымъ письмомъ въ рукахъ выходитъ изъ столовой, подходитъ къ крайней двери направо и стучитъ въ нее*). Ты дома, Томась?

Докторъ Штокманъ (*изнутри*). Да, я сейчасъ пріду. (*Входитъ*). Чего тебѣ нужно?

Г-жа Штокманъ. Письмо отъ твоего брата. (*Протягиваетъ его доктору*).

Докторъ Штокманъ. Ага, посморимъ! (*Разрываетъ конвертъ и читаетъ*). "Присланная рукопись при семъ прилагается — » (*Читаетъ дальше про себя*). Гмъ —!

Г-жа Штокманъ. Что же онъ тебѣ отвѣчаетъ?

Докторъ Штокманъ (*кладетъ бумаги въ карманъ*). Ничего, онъ только пишетъ, что самъ зайдетъ сегодня утромъ сюда.

Г-жа Штокманъ. Такъ ты, пожалуйста, уходи изъ дому.

Докторъ Штокманъ. Да, это будетъ не трудно, потому что я раздѣлался съ своими утренними визитами.

Г-жа Штокманъ. Горю нетерпѣніемъ узнать, какъ онъ отнесется къ этому извѣстію.

Докторъ Штокманъ. Ты увидишь, онъ разсердится, что это открытіе сдѣлано мною, а не имъ.

Г-жа Штокманъ. Да, такъ и ты боишься этого!

Докторъ Штокманъ. Въ сущности, конечно, онъ обрадуется, это само собою разумѣется. Но все же —! Петеръ такъ страшно боится, чтобы кто-либо другой, а не онъ принесъ наибольшую пользу городу.

Г-жа Штокманъ. Знаешь ли что, Томась, ты могъ бы оказать ему любезность и раздѣлить съ нимъ честь открытія. Нельзя ли сдѣлать видъ, какъ будто онъ навелъ тебя на слѣдъ —?

Докторъ Штокманъ. Да, конечно, это можно сдѣлать. Какъ только я устрою это дѣло —

Старикъ Мортенъ Кіиль (*высовывая голову изъ передней, бросаетъ испытующій взоръ въ комнату, улыбается и спрашиваетъ осторожно*). Это — это правда?

Г-жа Штокманъ (*ему навстрѣчу*). Папа, это ты?

Докторъ Штокманъ. Тестюшка, скажите, пожалуйста! Добраго утра, добраго утра!

Г-жа Штокманъ. Войди же, папа.

Мортенъ Кіиль. Я войду, если это правда, иначе я уйду.

Докторъ Штокманъ. Что такое правда?

Мортенъ Кіиль. А эта твоя глупость съ водою, это правда?

Докторъ Штокманъ. Да, это совершенная правда; но откуда вы это узнали?

Мортенъ Кіиль (*входитъ*). Петра забѣгала ко мнѣ, когда шла въ школу.

Докторъ Штокманъ. Неужели?

Мортенъ Кіиль. Да, да, и вотъ она сказала мнѣ. — Я думалъ, было, одно время, что она смѣется надо мною; но это не похоже на Петру.

Докторъ Штокманъ. Какъ вамъ могла прійти въ голову такая мысль!

Мортенъ Кіиль. Ахъ, нельзя никому довѣряться; не успѣешь осмотрѣться, какъ тебя уже одурачили. Но, значить, это все правда?

Докторъ Штокманъ. Да, правда. Но садитесь же, тестюшка. (*Заставляетъ его сѣсть на диванъ*). И развѣ это не счастье для города — ?

Мортенъ Кіиль (*съ трудомъ сдерживая смѣхъ*). Счастье для города?

Докторъ Штокманъ. Что я во-время сдѣлать это открытіе?

Мортенъ Кіиль (*какъ прежде*). Ахъ, да! — Но я никогда не думалъ, что вы захотите устроить такую штуку своему собственному брату.

Докторъ Штокманъ. Штуку!

Г-жа Штокманъ. Но, дорогой папа —

Мортенъ Кіиль (*отираетъ руки и подбородокъ о набалдашникъ палки и бросаетъ на доктора лукавый взглядъ*). Но въ чемъ же дѣло? Расскажите. Въ водопроводъ попалъ какой-то звѣрь, не правда ли?

Докторъ Штокманъ. Да, бактеріи.

Мортенъ Кіиль. И этихъ звѣрей набралось тамъ большое количество, говорила Петра. Невѣроятно большое количество?

Докторъ Штокманъ. Да, ихъ можетъ быть сотни тысячъ.

Мортенъ Кіиль. Но никто не можетъ ихъ видѣть, — не правда ли, никто?

Докторъ Штокманъ. Видѣть ихъ никто не можетъ.

Мортенъ Кіиль (*съ трудомъ сдерживая смѣхъ*). Чортъ меня побери, это наилучшее изъ всего, что вы когда-либо дѣлали!

Докторъ Штокманъ. Что вы хотите этимъ сказать?

Мортенъ Кіиль. Но никогда въ жизни вамъ не удастся убѣдить въ этомъ городского голову.

Докторъ Штокманъ. Ну, это мы еще посмотримъ.

Мортенъ Кіиль. Неужели вы думаете, что онъ можетъ оказаться такимъ безумцемъ?

Докторъ Штокманъ. Я надѣюсь, что весь городъ окажется такимъ же безумцемъ.

Мортенъ Кіиль. Весь городъ! Да, можетъ статься. Но пусть берегутся; они такъ легко не отдѣлаются. Они хотятъ быть умнѣе, чѣмъ мы, старики; они выгнали меня изъ думы. Я говорю правду. Да, они забаллотировали меня какъ собаку, вотъ что они сдѣлали! Но теперь и имъ достанется перцу! Штокманъ, продолжайте свои штуки съ ними, продолжайте.

Докторъ Штокманъ. Но, тестюшка — !

Мортенъ Кіиль. Да, заставьте ихъ солоно хлебать. (*Встаетъ*). Если вамъ удастся заманить въ эту западную городского голову и его друзей, я немедленно жертвую сто кронъ на бѣдныхъ.

Докторъ Штокманъ. Это очень любезно съ вашей стороны.

Мортенъ Кіиль. Вы знаете, что я богатствомъ не могу похвалиться, но если вамъ это удастся, я къ Рождеству пожертвую еще полсотни кронъ.

(*Редакторъ Гофстадъ входитъ изъ передней*).

Гофстадъ. Добраго утра! (*Останавливается*). Ахъ, извините!

Докторъ Штокманъ. Пожалуйста, дите, войдите!

Мортенъ Кіиль (*опять начинаетъ хохотать*). Онъ! И онъ съ вами?

Гофстадъ. Что вы хотите этимъ сказать?

Докторъ Штокманъ. Да, конечно, онъ со мною.

Мортенъ Кіиль. Я долженъ былъ знать объ этомъ. Такъ о вашемъ дѣлѣ будутъ писать въ газетахъ? Да, вы какъ разъ подходящи человѣкъ, Штокманъ. Ну, переговаривайте на здоровье, я ухожу.

Докторъ Штокманъ. Ахъ, останьтесь еще немного, тестюшка!

Мортенъ Кіиль. Нѣтъ, нѣтъ, я ухожу. А вы продолжайте свою штуку возможно получше; въ ней, чортъ побери, получите не мало барыша. (*Уходитъ. Г-жа Штокманъ провожаетъ его*).

Докторъ Штокманъ (*смѣется*). Представьте себѣ, — старикъ не вѣрить ни одному слову изъ всего этого случая съ водопроводомъ.

Гофстадъ. Неужели? Такъ выговорили объ этомъ дѣлѣ?

Докторъ Штокманъ. Да, мы именно о немъ говорили. Вы тоже зашли по этому вопросу?

Гофстадъ. Да. Есть ли у васъ свободная минута, г. докторъ?

Докторъ Штокманъ. Конечно, дорогой Гофстадъ, я могу вамъ посвятить столько времени, сколько хотите.

Гофстадъ. Вы получили какое-нибудь извѣстіе отъ городского головы?

Докторъ Штокманъ. Покамѣстъ нѣтъ; онъ долженъ сейчасъ прійти сюда.

Гофстадъ. Я вчера вечеромъ много думалъ объ этомъ дѣлѣ.

Докторъ Штокманъ. Ну, и что жъ?

Гофстадъ. Для васъ, какъ для врача, какъ для человѣка науки, этотъ случай съ водопроводомъ является какъ бы чѣмъ-то отдѣльнымъ, независимымъ отъ чего-либо другого. Я хочу сказать: вамъ не приходится въ голову, что этотъ вопросъ тѣсно связанъ со множествомъ другихъ.